

Магический кристалл литературы

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
г. Москва

Если бы Владимир Карпович Железников написал только повесть «Чучело», думаю, он все равно занял бы место среди лучших советских детских писателей. Оценка творчества писателя особенно трудна, когда мы говорим о нашем современнике: подлинное значение произведения определяется временем. Но и сегодняшние оценки чрезвычайно важны, если они опираются на историческую ретроспективу — в этом смысле прошлое освещает нам путь в будущее.

Литература, отразившая «образы детства», как это ни удивительно, существует сравнительно недавно — всего десятилетия. Отошлю читателя к статье П. Эпштейна и Е. Юкиной «Образы детства» (напечатанной в

двенадцатом номере «Нового мира» за 1979 год) — в этой статье очень убедительно рассмотрено становление и развитие детской темы в литературе. Авторы показали, что детская тема «не изолированная и не периферийная» — в ней сталкиваются глобальные исторические и психологические концепции человека, в ней запечатлены существенные черты исканий двух последних столетий; они сумели проследить «растущее значение детства для современной культуры».

Эпоха классицизма была еще совершенно чужда поэзии детства. Оно представало как «возрастное уклонение от нормы (незрелость)», так же как сумасшествие — психическое отклонение от нормы (неразумие).

У знаменитых просветителей зарождающийся интерес к детству сугубо «прозаичен»: он касается проблем назидательных, «изложенных в доступной, дидактической, иллюстративной форме». Просветители демократизировали литературу и ее адрес, выводя ее из замкнутого круга аристократических пристрастностей. Они направляли ее к детям, как «низшим возрастной иерархии». Интересно, что и сегодня взгляд на искусство для детей, как на что-то сугубо иллюстративное и назидательное, находит своих многочисленных последователей. Он и сегодня диктует отношение к искусству для детей и о детях, как к чему-то прикладному, подчиненному, не являющемуся искусством в полном смысле этого слова. И яркое тому доказательство — полемика вокруг пове-

сти Железникова «Чучело»: более всего она подвергалась атаке со стороны поборников «задач воспитательности и назидания», именно с этой точки зрения объявлялась «вредной и ненужной».

Открытие детства «как самоценной стадии духовного развития человека совершил только романтизм». Детство перестало рассматриваться как лишь «служебно-подготовительная фаза возрастного развития», оно стало осмысляться, «как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей», зрелость же предстала как «пора, утратившая непосредственность и чистоту детства».

Но романтизм не только открыл детство, он оставил в наследство и его идеализацию, умиление им. То, что когда-то было открытием, часто продолжает жить очень долго, но уже в виде предрассудков. Аффектированная романтическая оценка детства породила явление, которое недавно получило название «адвокатуры детства». «Адвокаты детства» снимают с ребенка ответственность за свои чувства и поступки, отказывая ему тем самым в главном — в уважении к нему как к живому человеку, в признании его таковым. Конечный результат — односторонность, упрощение детства, розовая гамма красок в обрисовке его характеров, формула «пупикового обаяния», которая иногда процветает в детской литературе (и особенно, позволяя себе сказать, в детском кино). Легенда о детстве разрушает художественную правду, саму ее реалистическую основу; при этом

банальная лживость трактуется как некое особое достоинство, необходимое детям.

В. К. Железников принадлежит к тем советским писателям, которые видят в жизненной правде своего отрочества главную нравственную и гражданскую позицию. Он рассматривает ребенка во всей его человеческой сложности и противоречиях, он не снимает со своих героев их ответственности за себя. Для него нет деления «по горизонтали»: внизу (по возрасту) дети, а наверху — взрослые. Дети для писателя — люди, и делятся они, как люди, «по вертикали», вокруг оси, разделяющей добро и зло. Повесть «Чучело» населена самыми разными детскими характерами — от самых прекрасных до самых неприглядных. Железников вовсе не старается приукрасить детство — он слишком всерьез им озабочен. Для него чрезвычайно важно, как сплавлено в кристалле детства будущее, настоящее и прошлое — в этом писатель принципиально и последовательно верен русской традиции раскрытия темы детства.

В русскую литературу эта тема вошла совершенно особо: «как признак интенсивного самосознания личности и нации». Толстой, Достоевский, Аксаков, Бунин, Горький открыли в детстве человеческие истоки, основы природы души. Особенно близко их творчеству были ощущения детства как первого чувства Родины. И уже у Достоевского ребенок не только «ангел», но и «демон». По выражению Достоевского, он «еще яблока не съел, добра и зла не различает, поэтому он абсолютно добр и

абсолютно зол». В русской традиции восторжествовал объемный образ детства.

В нашем веке в западной литературе и искусстве двусмысленность детства снова заменяет его однозначность, но уже противоположного романтизму характера. Произошла «демонизация детства», открытие в нем античеловеческой, чуть не инопланетной сущности (рассказы Р. Брэбери. «Повелитель мух» У. Голдинга).

Как же смотрит на детство советская литература? «Полный взгляд на вещи», о чем писал Гоголь, стал ее главной дорогой, по которой идет постижение детства во всей его сложности. Нет ни одного большого писателя наших дней, который в той или иной степени не коснулся бы этой темы. Родилось подлинное богатство истолкования детства, оно легло в основу философских, исторических, проблемных, публицистических произведений. Открытие мира, ощущение единства и единства со всеми, осознание личностью себя и социально — нравственные конфликты — все оказалось возможным отразить в образах детства.

Успех повести «Чучело» в первую очередь определил образ ее героини, шестиклассницы Лены Бессольцевой — характер столь же живой, сколь и несущий в себе высокий нравственный идеал.

Любопытно, что первый вариант повести был написан В. Железниковым именно как киносценарий. Это, наверное, не случайно: в творчестве писателя наиболее силен драматургический дар, умение отыскать жизненный конфликт, создать образ человека прежде всего через ли-

нию его поведения, поступков, той борьбы, которую он ведет.

Напряжение, доходящее порой до почти трагического звучания, родилось в повести из живого столкновения доброты и жестокости, верности и предательства, милосердия и равнодушия, духовности и стихии мещанства. Мы привыкли к тому, что в конфликте одного и многих всегда правы многие. Железников смело доказывает, что это вовсе не обязательно, что значимо только одно: кто и за что борется.

Писателю удалось самым убедительным образом доказать, что «многие» — еще не коллектив. Коллектив — это когда люди объединены на основах глубоко нравственных. А до этих вершин братства людям частенько нужно расти и расти. Коллективом «многие» становятся, когда в человеческом союзе побеждает высокая духовность. Она развивается не обязательно «от каждого — каждому», очень часто путь ее распространения «от лучшего — всем!»

Но дело еще и в том, что героиня Железникова вовсе не одинока — за ней правда и справедливость, за ней весь славный род Бессольцевых, русских интеллигентов — патриотов, целые поколения замечательных людей, несущих в себе великую народную традицию милосердия и духовности, верности и великодушия. Героиня писателя едина со всем родом — Родиной. Поэтому она героиня нашего времени.

Тема детской жестокости — одна из основных в литературе и искусстве на Западе. Бродячей, переходящей из произведения в произведение, стала не так дав-

но тема вселения в души ребят дьяволов и прочей нечисти. Трактовка их мира как такого, где господствуют антигуманные силы и низменные инстинкты, побуждает в этой литературе все более. Неприятие взрослого мира, победа над добром, отсутствие связей между детьми и взрослыми — все это чуждо советскому искусству.

Заслуга В. Железникова в том и состоит, что им создано доброе произведение о жестокости. Духовная сущность главных героев повести, их безусловная победа, драматичность самого их вынужденного отъезда из города, сделавшего образ Лены Бессольцевой для ее одноклассников столь притягательным, как всякая утрата, — представляют мне главными достоинствами замечательной повести писателя. Железников сумел выстроить всю историю подлинных страданий своей героини и ее конечную грустную, но безусловную победу, без всякого снижения драматизма и даже трагизма — в этом я вижу воспитательную силу и точность повести.

В развитии «концепции человека» нашей литературой, можно надеяться, сделан еще один шаг вперед. Еще раз преодолены стойкие предрассудки, дошедшие до нас от прошлых веков: отношение к искусству для детей как всего лишь к дидактическому, назидательному материалу, и как к выдуманному, подкрашенному миру, ничего общего на самом деле с детством не имеющему.

Образы детства поистине стали магическим кристаллом искусства, через который в особой резкости мы сегодня видим то,

что не рассмотреть иначе. Кто-то из великих сказал: «взрослея, мир молодеет». Мы молодеем, приближаясь к детству, постигая его как собственную тайну и великие свои резервы. Самым главным сегодня представляется мне полное слияние жизненной правды и этой великой темы. Правда рождает доверие, доверие рождает надежду. Правда есть знание, а только знание дает человеку силы преодолеть то, что ему сегодня предстает: и опасную, тревожную мимику современного детства, и стихию мещанской бездуховности, и страшную атомную угрозу, которая нависла над планетой.

Нельзя не верить в человека, но, думаю, чтобы в него верить, надо досконально его знать. И обязанность искусства — удесятерять наше знание, делать его смелым и высоким. Вот по какой системе координат я рассматриваю повесть Железникова «Чучело», вот почему я поставил по ней фильм. Вот почему, поздравляя Владимира Карповича с шестидесятилетием, я не успел сказать о других его книгах. Мне важно было сказать о нем самое главное, в надежде, что это поможет вам, читатели, лучше понять все другие его рассказы и повести, которые скоро выйдут в новом двухтомном издании. Для меня встреча с Железниковым — подарок судьбы и факт биографии. Я не могу и не хочу быть по отношению к нему, так сказать, объективным. Я глубоко уважаю и люблю его. Именно поэтому, как мне кажется, я понимаю его абсолютно правильно.

Ролан БЫКОВ.